

А. Н. ХУДОЛЕЕВ

ДИСКУССИЯ О НАРОДНИЧЕСКОМ ЭТАПЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1950-х – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1960-х гг.)

Народничество, являвшееся доминирующим направлением отечественной общественной мысли второй половины XIX в., включало в себя как практическую деятельность, направленную на изучение народной жизни, так духовные искания дворянской и разночинной интеллигенции. Объединяя различные оттенки революционной и либеральной мысли, оно было реальной конкурентоспособной силой в борьбе за воплощение социалистического идеала. Поэтому лидеры российской социал-демократии неоднократно направляли острые критики против народнических концепций. Особенной активностью отличались Г. В. Плеханов и В. И. Ленин. На заре становления советской исторической науки история народничества оживленно обсуждалась исследователями революционного движения (дискуссии о теоретическом наследии Н. Г. Чернышевского, М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова, о «русских якобинцах» и о «Народной воле»). Однако в середине 1930-х гг. отношение к народничеству выразилось в постулате «марксизм вырос и окреп в борьбе с народничеством (народовольчеством и т. п.), как злейшим врагом марксизма»¹, закрепленным потом в «Кратком курсе» истории ВКП(б). Это означало недопустимость каких-либо дискуссий по данному вопросу, и на ближайшие двадцать лет народническая тематика стала запретной для советских историков².

¹ «О пропагандистской работе в ближайшее время» (Постановление Центрального Комитета ВКП (б)) // Правда. 1935. 14 июня.

² Примечательную запись сделал в дневнике в 1951 г. профессор МГУ С. С. Дмитриев: «Ткаченко (ученик С. С. Дмитриева, доктор исторических наук, профессор Петр Семенович Ткаченко был в то время преподавателем исторического факультета МГУ. — А. Х.) сообщили из “Вопросов истории”, что статья его отклоняется от печатанья в журнале... Статья его посвящена местным организациям “Земли и воли” 70-х годов. Следовательно, тематика по революцион-

Только во второй половине 1950-х гг. народничество возвращается на страницы научных изданий. Несомненно, этому способствовала обстановка «оттепели», существенно повлиявшая на развитие исторической науки. С большими трудностями, но шел процесс отказа от догм «Краткого курса», началась активная разработка документальных массивов (в прежние времена это считалось «грехопадением»), появилось желание самостоятельно изучать, а не подтверждать уже готовые «истины», выраженные в канонических цитатах³. Стимулом для развития научной мысли вновь стали дискуссии «в атмосфере товарищеского научного спора», без приклеивания ярлыков и расправы за инакомыслие⁴. Однако научные труды и дискуссии не выходили за рамки марксистско-ленинской методологии, а отношение к отечественной дореволюционной и западной историографии оставалось отрицательным.

Волна «оттепели» вынесла на берег новое поколение советских историков, для которых «период 20–30-х годов уже не был окрашен собственным опытом»⁵. Многие из них были участниками боевых действий и сохраняли свойственные фронтовикам прямоту и независимость суждений. В то же время они росли и воспитывались в условиях отсутствия методологического плюрализма, когда «со студенческой скамьи вырабатывался навык идти от установ-

ному народничеству является запретной. Сто раз говорил я в течение нескольких лет об этом Ткаченке. Нет, он все прет туда же. И не понимает, что перед ним стена. И вовсе не гнилая». / Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 1999. № 4. С. 115.

³ «Авторы многих книг, диссертаций, брошюр и журнальных статей, — говорилось в программном заявлении обновленной редколлегии журнала «Вопросы истории», — не утруждают себя самостоятельным творческим исследованием конкретного материала, а сосредотачивают главные усилия на подборе наибольшего количества цитат. Нередко такие статьи и диссертации выглядят как подборка разнообразных цитат, едва скрепленных между собой соединяющими фразами автора, причем самые цитаты часто произвольно вырываются авторами из контекста, воспроизводятся безотносительно к условиям, месту и времени...» / О некоторых важнейших задачах советских историков // Вопросы истории. 1953. № 6. С. 10.

⁴ См.: Там же. С. 11.

⁵ Сидорова Л. А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997. С. 57.

ленной схемы исторического процесса, подтверждая ее фактами, искусно подобранными составителями документальных публикаций»⁶. Это наложило существенный отпечаток на ход и характер обсуждения научных проблем в указанный период.

В немалой степени возрождению интереса к народничеству способствовало начало публикации 5-го издания собрания сочинений Ленина, с включением работ, не вошедших в 4-е издание. Обстановка «оттепели» способствовала новому прочтению ленинских оценок народничества, которые легли в основу бурной полемики о периодизации, сути и значении народнического этапа революционного движения, развернувшейся на рубеже 1950–60-х гг. Поэтому напомним основные положения ленинской критики народничества.

Первые работы Ленина, посвященные народнической идеологии, появляются в середине 1890-х гг. Наиболее значительной была брошюра «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?», где разбирались концепции либерального народничества, сторонников «теории малых дел» (С. Н. Кривенко, Н. К. Михайловского, В. П. Воронцова, С. Н. Южакова). Со свойственной для него уже в молодые годы безапелляционностью, Ленин набросился на ветеранов народнического движения, упрекая их в игнорировании марксистского учения о развитии общества и расстановки общественных сил, непонимании экономической ситуации, антагонизма классов, в желании смягчения, а не уничтожения, примирения, а не борьбы⁷. Главным объектом критики стал Михайловский, который в 1870-х гг. положительно отзывался о концепции Маркса, но затем пересмотрел свое отношение к марксизму. Такого «рenegатства» Ленин ни понять, ни простить не мог. Его фраза о совершенно разложившемся «русском крестьянском социализме 70-х годов» относится к данному эпизоду⁸.

Мещанскому социализму, бывшему когда-то крестьянским социализмом, Ленин противопоставляет *социально-революционное*

⁶ Там же. С. 173.

⁷ См.: Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов) // Ленин В. И. ПСС. Т. 1. М., 1971. С. 250.

⁸ Там же. С. 183.

народничество. Михайловский делил русских марксистов на три разряда по степени революционности их взглядов. По Ленину, не может быть такой градации: есть марксисты-революционеры, а все остальные — «примазавшаяся шваль». Он хочет показать читателю, что для него имеет значение только боевое социально-революционное народничество, суть которого — революционная борьба, протаскивать туда других народников — «подлое и пошлое глумление»⁹. Таким образом, Ленин берет под защиту революционных народников 1870-х гг. и народолюбцев, отгораживая их от либеральных народников, которые только и делают, что «пачкают» и «опошляют» идеалы социально-революционного народничества¹⁰. Ошибка социально-революционных народников, по мнению Ленина, заключалась в ставке на крестьянство как основную движущую силу социалистической революции. Но эти «иллюзии» 1860–70-х гг. можно оправдать экономической ситуацией того времени. Однако как ни ошибочны, ни утопичны были старые теории русских социалистов, они безусловно отрицательно отнеслись бы к современным «кротким начаткам либерализма»¹¹.

Рецензируя в 1894 г. книгу П. Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», Ленин не согласился с мнением автора об однородности народнической доктрины. Он призвал отделять старое народничество, к которому в некотором отношении «примыкает и марксизм», от современного, реакционного и «лживого» народничества. Социально-революционное народничество (те, кто «шел в народ») было неизмеримо выше современного, и его критика либералов 1870-х гг. (тех, кто «двигал «Отечественные записки»») целиком подошла бы к отношению марксистов к теперешним народникам¹². Весьма интересное заме-

⁹ Там же. С. 203.

¹⁰ «И вы не можете упрекнуть социал-демократов, — гордо заявлял Ленин, — в том, чтобы они не умели ценить громадной исторической заслуги этих лучших людей своего времени, не умели глубоко уважать их памяти» // Там же. С. 271.

¹¹ Там же. С. 265.

¹² См.: Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе) // Ленин В. И. ПСС. Т. 1. С. 365.

чение с точки зрения установления преемственности в русском революционном движении¹³.

Поражает дилетантизм молодого Ленина в области истории радикальной мысли в России. Например, рассуждая о задачах русских социал-демократов, он свел деятельность народovolьцев к организации политического заговора¹⁴. Достаточно ознакомиться с публицистическим наследием «Народной воли», чтобы убедиться в том, что заговор и террор не определяли целиком народovolьческую программу. В ней находилось место и легальной парламентской деятельности, и борьбе за конституционные свободы. Но одно дело теоретическая программа, другое — необходимость приспособить ее к политической реальности, которая требовала, на взгляд народovolьцев, радикально-конспиративных методов борьбы. Ситуация мало изменилась к середине 1890-х гг. Это отмечал, например, П. Л. Лавров, с иронией относившийся к желанию создать легальную массовую рабочую партию в условиях русского абсолютизма¹⁵.

¹³ Еще в «Что такое «друзья народа»...» Ленин, говоря об эволюции народничества, опирался на цитату из работы Струве «К вопросу о капиталистическом развитии России»: «По мере того, как идет вперед капиталистическое развитие, только что описанное мирозерцание (народническое. — А. Х.) должно терять почву. Оно либо вырождается в довольно бледное направление реформ, способное на компромиссы и ищущее компромиссов, к чему имеются уже давно подающие надежду задатки, либо оно признает действительное развитие неизбежным и сделает те теоретические и практические выводы, которые необходимо отсюда проистекают, — другими словами, перестает быть утопическим». Цит. по: *Ленин В. И. Что такое «друзья народа»...* С. 282. Не хотел ли Ленин этой фразой Струве обозначить мысль о том, что «крестьянская демократия» выродилась в либеральное народничество, а революционное народничество в социал-демократию?

¹⁴ См.: *Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов // Ленин В. И. ПСС. Т. 2. М., 1971.*

¹⁵ «Организацию русской рабочей партии, — писал в 1895 г. П. Л. Лавров, — приходится создать при условии существования абсолютизма со всеми его прелестями. Если бы социал-демократам удалось бы сделать это, не организовав в то же время политического заговора против абсолютизма со всеми условиями подобного заговора, то конечно их политическая программа была бы надлежащей программой русских социалистов, т.к. освобождение рабочих силами самих рабочих совершилось бы. Но оно весьма сомнительно, если не невозможно». Цит. по: *Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов. С. 459.*

Еще одной важной работой, характеризующей неоднозначность отношения Ленина к народничеству, является статья «От какого наследства мы отказываемся?». Симптоматичен знак вопроса. Г. В. Плеханов озаглавил ранее подобную работу категорично — «Наши разногласия»: с одной стороны, — народничество, с другой, — марксизм, между ними непреодолимая пропасть, и даже самое революционное народничество никогда не сблизится с марксизмом. Ленин настраивал читателя на поиск переходных черт от народничества к марксизму, на выявление положительного наследства, гнушаться которого не надо¹⁶. Стоит отметить, что статья предназначалась для официального сборника «Экономические этюды и статьи». Это заставило Ленина существенно смягчить тон и не упоминать лиц, наиболее одиозных для цензуры (например, Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова).

В данной работе Ленин рассматривал взгляды представителей либерального направления, Ф. П. Еленева (псевдоним «Скалдин») и А. Н. Энгельгардта. Цель статьи — обозначить, что именно «ученики», под которыми Ленин понимал социал-демократов, могут и должны принять в качестве наследства, а что ни в коей мере принимать не должны. Ленин называет период 1860-х гг. «просветительским» и указывает его главные черты: 1) вражда к крепостничеству; 2) защита просвещения, самоуправления и свободы; 3) отстаивание интересов крестьян. «Ученики» должны целиком перенять наследство «просветителей». Ленин понимал, что Скалдин не совсем удачная фигура для такого сопоставления, и призывал читать между строк. В письме к А. Н. Потресову Ленин недвусмысленно пояснял, что принимать наследство от Скалдина он не предлагал; принимать наследство, конечно, надо от других людей 60-х годов, например, от Чернышевского, но об этом невозможно было написать из-за «подводных камней»¹⁷. Ленин хотел, чтобы читатель уловил революционно-демократическую суть наследства.

¹⁶ «Воюя с народничеством, как с неверной доктриной *социализма*, — писал в 1909 г. Ленин, — меньшевики доктринерски просмотрели исторически реальное и прогрессивное историческое *содержание* народничества...» (В. И. Ленин — И. И. Скворцову-Степанову. 16.12.1909 // *Ленин В. И.* ПСС. Т. 47. М., 1982. С. 228-229).

¹⁷ В. И. Ленин — А. Н. Потресову. 26.01.1899 // *Ленин В. И.* ПСС. Т. 46. М., 1982. С. 18-19.

«Письма из деревни» А. Н. Энгельгардта взяты Лениным как пример разрыва народничества с идеологией просветительства. Им выделяются три черты народничества: 1) признание капитализма упадком, регрессом; 2) признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью в частности; 3) игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов. Из этого Ленин делает вывод о том, что наследство 1860-х гг. не имеет ничего общего с народничеством. При этом в качестве наиболее ярких представителей народнической мысли он приводит тех же Воронцова, Южакова и Михайловского. Их взгляды и называются Лениным реакционной и вредной теорией, «сбивающей с толку общественную мысль, играющей на руку застою и всякой азиатчине»¹⁸.

Видимо, из цензурных соображений Ленин упускает характеристику революционно-народнической мысли 1870-х гг., но иносказательно дает понять, что разграничивает революционное и либеральное народничество, что, употребляя этот термин в широком смысле, он не хочет стереть серьезные различия во взглядах между отдельными представителями народнической мысли. Различия есть, и немалые¹⁹. Следовательно, революционные народники также могут считаться хранителями того наследия 60-х гг., которое восприняли и дополнили с учетом новых реалий социал-демократы. Ленин не проводил существенной разницы между революционным народничеством и революционной демократией 60-х гг. Зато эти направления принципиально отделялись им от либерального народничества.

То, о чем Ленин умалчивал из цензурных соображений, свободно излагалось им в партийной печати. Он призывал выделить из народнической доктрины ее революционную сторону и воспринять ее, строить революционную партию на тех же принципах, что и «славные деятели старой “Народной воли”»²⁰. В брошюре «Что делать?» он называет «блестящую плеяду революционеров 70-х годов»

¹⁸ См.: Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся? // Ленин В. И. ПСС. Т. 2. С. 530-531.

¹⁹ См.: Там же. С. 529.

²⁰ Ленин В. И. Протест российских социал-демократов // Ленин В. И. ПСС. Т. 4. М., 1971. С. 176.

предшественниками русской социал-демократии²¹. Они показали пример строительства настоящей боевой организации, без равнения на которую не может обойтись любое революционное направление, думающее о серьезной борьбе с самодержавием. Отмечая героизм и мужество «корифеев 70-х годов», Ленин четко отделяет их деятельность от «буржуазного реформаторства» либеральных народников²². Поэтому «история навсегда сохранит память о первых, как о передовых людях эпохи, о вторых — как о людях половинчатых, бесхарактерных, бессильных перед силами старого и отжившего»²³.

Таким образом, Ленин высоко оценивал деятельность революционного народничества и резко отделял его от народничества либерального. Именно к последнему относились такие ленинские характеристики, как лживое, реакционное, оппортунистическое и т. д. Недостатки революционных народников Ленин видел в ошибочном понимании перспектив экономического развития и движущих сил революции. Однако при этом отмечал, что данные недостатки были связаны с конкретной исторической ситуацией и не должны снижать значение революционно-народнического направления, которое тесным образом связано с тем, что «получило название «большевизма» в первое десятилетие XX века»²⁴. В то же время Ленин не видел существенной разницы между революционной демократией 1860-х гг. и революционным народничеством 1870-х.

²¹ См.: Ленин В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Ленин В. И. ПСС. Т. 6. М., 1972. С. 25, 26.

²² См.: Ленин В. И. Народническая буржуазия и растерянное народничество // Ленин В. И. ПСС. Т. 8. М., 1979. С. 77.

²³ Ленин В. И. По поводу юбилея // ПСС. Т. 20. М., 1968. С. 168.

²⁴ Ленин В. И. Две утопии // Ленин В. И. ПСС. Т. 22. М., 1973. С. 121. Один из патриархов народнического движения П. Л. Лавров пророчески писал в конце XIX в.: «Если же им (социал-демократам. — А. Х.) придется так или иначе группировать не только рабочие силы для борьбы с капиталом, но сплачивать революционных личностей и группы для борьбы с абсолютизмом, то русские социал-демократы **фактически** примут программу своих предшественников, народovolьцев, как бы они себя не называли. Разница во взглядах на общину, на судьбы капитализма в России, на экономический материализм суть частности, весьма маловажные для действительного дела и способствующие или мешающие решению частных задач, частных приемов приготовления основных пунктов — но не более» // Цит. по: Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов. С. 462.

Следовательно, имеет смысл говорить не о трех, а о двух периодах народнического этапа русского революционного движения.

Проблема периодизации находилась в центре начавшейся в середине 1950-х гг. дискуссии. Ее инициатор П. С. Ткаченко выступил против утвердившейся с середины 1930-х точки зрения о нисходящем пути развития народничества, не соглашаясь с тем, что революционное поколение 1860-х гг. было в идейном отношении значительно выше поколения 70-х²⁵. На основе изучения работ Ленина он пришел к выводу, что лидер большевизма не отделял революционных демократов от революционных народников и резко противопоставлял их либеральному народничеству. По мнению автора, между революционерами 1860-х и 1870-х гг. было много общего. В частности, они боролись против самодержавия и пережитков крепостного строя, в их рядах находилась передовая часть дворянской и разночинной интеллигенции, те и другие являлись сторонниками крестьянской революции, видели в крестьянской общине основу социалистического общества, их утопический социализм был проникнут духом «мужицкого демократизма». Следовательно, «деятельность революционных демократов и народников протекала в рамках единого разночинского этапа русского освободительного движения»²⁶. Кроме того, Ткаченко назвал антиисторическим тезис «народничество — злейший враг марксизма», так как «марксизма в России тогда еще не было», и справедливо заметил, что многие народники с большим уважением относились к экономическому учению Маркса²⁷.

Свежая постановка вопроса об истории народничества в статье Ткаченко, негативно была воспринята в научной среде, где еще доминировала концепция «Краткого курса». Так, весной 1957 г. доклад Ткаченко «Насущные проблемы истории народничества» был подвергнут нелицеприятной критике в ходе дискуссии по истории рево-

²⁵ «Неверно, — утверждал автор, — будто ранее народничество с самого начала пошло по наклонной плоскости, вниз от революционного демократизма... Народники 70-х годов шли не вниз от революционного демократизма Чернышевского, а были полны решимости поднять на борьбу народ под знаменем идей Чернышевского» / Ткаченко П. С. О некоторых вопросах истории народничества // Вопросы истории. 1956. № 5. С. 37-38.

²⁶ Там же. С. 38.

²⁷ Там же. С. 45.

люционного движения в России 1860–90-х гг., устроенной сектором истории СССР периода капитализма Института истории АН СССР²⁸. Однако нашлись ученые, которые с сочувствием встретили точку зрения Ткаченко. Прежде всего, это Б. П. Козьмин — крупнейший исследователь и знаток русского революционного движения второй половины XIX в. В статье, посвященной рассмотрению истории происхождения терминов «народник» и «народничество», он, традиционно указывая на то, что «только на основе ленинских высказываний о народничестве можно правильно понять сущность этого исторического явления»²⁹, отмечал общность «наследства 60-70-х годов», верными хранителями которого были русские социал-демократы. Заявленную позицию Козьмин обосновал в статье «Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России». Высказанные в ней мысли относительно значения и роли народничества в истории русского революционного движения не теряли актуальности еще несколько десятилетий. Литературу о народничестве за последние 20 лет Козьмин называет «обличительной». Он поддержал мнение Ткаченко о надуманности противопоставления революционным демократам революционных народников как двух принципиально отличных направлений революционной мысли и подчеркнул, что «в свое время революционное народничество сыграло большую прогрессивную и историческую роль»³⁰.

В то же время Козьмин не соглашался с Ткаченко по поводу восходящего пути развития народнической мысли от 1860-х гг. к 1870-м: «народники 70-х годов в теоретическом отношении сделали значительный шаг назад по сравнению со своими предшественниками»³¹. Отступление от традиций шестидесятников выразилось в появлении «субъективного метода в социологии», концепции «крити-

²⁸ См.: Колесниченко Д., Курашова Н. Обсуждение проблем по истории революционного движения второй половины XIX в. // История СССР. 1957. № 2.

²⁹ Козьмин Б. П. «Народники» и «народничество» // Вопросы литературы. 1957. № 9. С. 132.

³⁰ Козьмин Б. П. Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России // Исторические записки. 1959. Т. 65. С. 191, 193.

³¹ Там же. С. 211.

чески мыслящих личностей», ослаблении интереса к политической борьбе и в отказе от материализма в философских исканиях. Этот спорный тезис идет вразрез с основной мыслью статьи, что народничество — весьма специфичное, разноплановое и многообразное явление, в котором сосуществовали различные течения. Поэтому, например, критикуя Ш. М. Левина за обобщающий, односторонний подход к народничеству, Б. П. Козьмин справедливо указывал на то, что не у всех революционеров 1850–60-х гг. имелось «правильное представление о решающей исторической роли народных масс, что и тогда в революционной среде существовали заговорщические и террористические «уклонения»...»³². Но и в 1870-е гг. далеко не все революционеры были приверженцами «субъективной социологии», смотрели на народ как на орудие в руках интеллектуального меньшинства³³ и отказывались от материалистического понимания истории. Следует учесть и то, что теоретики революционного народничества формировались как мыслители в предыдущие десятилетия, аккумулировали в себе идейные традиции, развили и дополнили их, адаптировали к новым условиям, исходя из специфики своего мировоззрения. Значит, как настаивал П. С. Ткаченко, речь может идти не о снижении теоретического уровня семидесятников по сравнению с шестидесятниками, а о поступательном его развитии³⁴.

В итоге, отметив, что народники 1870-х гг. все-таки превосходили демократов 1860-х в практической революционной деятельности, Козьмин еще раз подчеркнул, что несмотря на имевшиеся расхождения, между этими направлениями не существовало принципиальной

³² Там же.

³³ Б. П. Козьмин отмечает, что Ткачев, считавший так, был одинок. См.: Там же. С. 224.

³⁴ Видимо сознавая допущенную противоречивость, Козьмин оговаривается: «...не надо думать, что снижение это в равной мере сказывалось на всей народнической интеллигенции 70-х годов. Нам важно только наметить общие линии, по которым происходило снижение, а это не исключает того, что в эти годы могли существовать... люди, продолжавшие придерживаться по тому или иному вопросу мнений, характерных для народников 60-х годов» // Там же. С. 223. Создается впечатление, что умудренный жизненным опытом ученый, переживший не одну идеологическую кампанию и репрессии, иногда сознательно допускал противоречивость формулировок и делал более осторожные выводы, чем его молодой коллега.

разницы, а значит можно говорить о едином революционно-народническом периоде, отделяя его от либерально-народнического. Статья Козьмина, сделавшая серьезную заявку на амнистию революционного народничества³⁵, получила оживленный отклик, со временем переросший в крупномасштабную дискуссию. К сожалению, сам автор не успел принять в ней участие.

Позиция П. С. Ткаченко и Б. П. Козьмина имела как сторонников, так и противников, которые с огромным трудом расставались с догмами «Краткого курса». Например, Ю. З. Полевой, проигнорировав предостережение Козьмина о недопустимости обобщающего подхода к народническому этапу, обвинил «поколение революционеров 70-х годов» в блуждании по тоннелям идеализма и утопического социализма, в забвении «наследства 60-х годов»³⁶. Также вопреки убедительному доказательству Козьминым того, что революционно-народнические организации продолжали существовать даже в 1890-е гг., и некоторые из них двигались в сторону марксизма, Полевой без всякой аргументации заявлял, что «к концу 70-х и в начале 80-х годов революционное народническое движение исчерпало себя»³⁷. Эти же мысли были положены в основу его доклада на конференции по истории революционного народничества, прошедшей на историческом факультете МГУ в октябре 1959 г.³⁸.

³⁵ Основные положения этой статьи Козьмин повторно изложил в монографии «Русская секция Первого Интернационала», вышедшей в 1957 г.

³⁶ Полевой Ю. В. И. Ленин о домарксистском периоде революционного движения в России // Коммунист. 1958. № 6. С. 61.

³⁷ Там же. С. 66. Это утверждение созвучно тезису В. А. Фоминой: «народники 80-90-х годов по существу отказались от всякой революционной борьбы с царским правительством. Они проповедовали примирение, соглашение с царским правительством, возлагая теперь на него все надежды по осуществлению своей реакционной программы». Фомина В. А. Философские и общественно-политические взгляды революционных народников (60-70-е годы XIX века) // Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР. М., 1956. Т. 2. С. 388-389. См. также: Козлов К. А. Экономическая программа народничества 70-х годов в России // Ученые записки Ошского госпединститута. Ош, 1959. Вып. 3.

³⁸ Видимо, для Полевого не прошла бесследно попытка реабилитировать Плеханова. В восьмом номере «Вопросов истории» за 1954 г. Полевой опубликовал статью «Об исторических взглядах Плеханова», в которой, опираясь на работы Ленина, ставил под сомнение положение «Краткого курса» о Плеханове

Однако на этот раз у него был серьезный оппонент в лице М. Г. Седова, несколько лет назад вернувшегося из заключения, где он находился 12 лет, человека сложной судьбы и к тому же прекрасного знатока источников по истории народничества³⁹.

М. Г. Седов выступил с докладом «В. И. Ленин о революционном народничестве». Он поддержал точку зрения Козьмина и Ткаченко. По его мнению, уместно говорить не о трех, как принято, а о двух периодах разночинского этапа. Период с 1861 по 1881 год является одним целым направлением, которое следует называть революционно-народническим. Выделение Лениным в работе «От какого наследства мы отказываемся?» 60-х годов не означало отгораживание их от 70-х. Это две фазы одного и того же этапа революционного движения. Следовательно, революционные народники с полным правом могут и должны считаться предшественниками российской социал-демократии⁴⁰. В развернувшейся затем полемике большинство участников конференции поддержало Седова (в частности, П. С. Ткаченко, Б. С. Итенберг, Я. И. Линков, А. И. Белкин). Позицию Ю. З. Полевого заняли И. Д. Ковальченко и Ш. М. Левин. Они настаивали на традиционном трехчленном делении разночинского этапа и рассматривали революционно-народническую идеологию 1870-х гг. как кризисное явление русской революционной мысли⁴¹.

как о контрреволюционере. Эта статья была расценена как «ревизия ленинских взглядов на Плеханова», и после неоднократных обсуждений в Институте истории АН СССР автор «готов уже был признать свою статью ошибкой, и стал ссылаться на то, что его подсократили...» // *Сидорова Л. А.* Указ. соч. С. 122.

³⁹ См.: *Карпачев М. Д.* Творческий путь профессора М. Г. Седова (1912-1991) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2005. № 1.

⁴⁰ См.: *Колесниченко Д. А., Твардовская В. А.* Научная конференция о революционном народничестве // Вопросы истории. 1960. № 2. С. 212-214.

⁴¹ Присутствовавший на конференции С. С. Дмитриев оставил в своем дневнике следующую запись: «Слушал на истфаке МГУ два доклада. Они читались на теоретической конференции по народничеству (по его истории). Первый докладчик Ю. З. Полевой скучно читал на тему «Маркс и Энгельс о народничестве». Однако доклад правильнее было бы назвать «Маркс и Энгельс о России» (или о русском революционном движении). Ни фактов, ни мыслей новых у Полевого не было. Все, им сказанное, известно было уже по брошюре, кажется, Парадизова «Маркс и Энгельс о России», вышедшей, помнится, в 1928 году. Прошло с той поры 30 лет. Доклад М. Г. Седова «Ленин о народничестве» был произнесен автором с подъемом и живым чувством. Се-

Конференция в МГУ показала, во-первых, остроту и актуальность вопросов, связанных с изучением народничества; во-вторых, прочность и глубину проникновения постулатов «Краткого курса» (отказ от ряда его положений не привел к пересмотру концепции в целом); и, в-третьих, то, что обсуждение проблем истории народничества вышло за пределы специально-исторической среды, так как за ходом полемики с большим интересом следили представители других гуманитарных дисциплин. Это было исключительно положительным явлением, позволявшим рассмотреть феномен народничества во всех его проявлениях. На страницах журнала «Вопросы литературы» в начале 1960 г. развернулась полемика об изучении народничества в отечественном литературоведении, которая вышла за рамки литературных проблем и стала прологом масштабного обсуждения места и значения народнического этапа в русской истории.

Инициатором этой дискуссии выступил А. И. Белкин. Опираясь на работы Ленина, он стремился доказать, что народническая идеология не была «грехопадением русской общественной мысли»; на определенном этапе она представляла собой прогрессивное и даже единственное революционное течение. Вслед за М. Г. Седовым, Белкин характеризовал 1860-е и 1870-е гг. как единый «революционно-народнический этап». Таким образом, «благодаря некоторым сторонам своей идеологии революционные народники могут быть отнесены к предшественникам русской социал-демократии»⁴². Эти стороны: реалистичное отношение к действительности, революционный демократизм и политическая борьба против самодержавия. Послед-

дов излагал свои мысли, не все были убедительными, но задевали слушателей, тревожили их мысль, вызывали отпор. В прениях выступил И. Д. Ковальченко (весьма спокойно и солидно по форме, но с сомнительными мыслями). Он оспаривал одно из главных положений Седова: нужно скорее видеть и изучать близость и общность революционеров-шестидесятников (так называемых революционеров-демократов) и семидесятников (т. е. революционных народников), чем подчеркивать имевшиеся между ними известные различия... Вторым говорил П. С. Ткаченко спокойно, но мало внятно; речь оставила какое-то стертное впечатление» (Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева. С. 170).

⁴² Белкин А. Народники и революционные демократы // Вопросы литературы. 1960. № 2. С. 119-120.

ний момент имел особенно большое историческое значение «для дальнейшего развития русского революционного движения»⁴³.

Хотя редколлегия журнала и пропустила статью А. И. Белкина, но, тем не менее, сочла необходимым выступить с опровержением некоторых ее положений. Эта миссия была возложена на члена редколлегии Я. Е. Эльсберга. Ему не понравилась мысль Белкина о том, что в народнической социалистической теории 1870-х гг. были революционные элементы. Эльсберг старался доказать, что «народническая теория никогда и ни в коей мере не входила в идейное наследство марксизма...»⁴⁴. По его мнению, народническая теория никогда революционной не была, а значит, теоретики, разрабатывавшие «ложную», реакционную теорию, никак не могут претендовать на такое почетное звание, как именоваться предшественниками русской социал-демократии; «...революционные народники 70-х годов, практики “хождения в народ”, были людьми слабой теоретико-философской мысли; народнические же теоретики 70-х годов не были революционерами и шли назад от идейно-теоретического уровня, достигнутого русской общественной мыслью в 60-х годах»⁴⁵.

Затем с анализом позиций дискутирующих сторон выступил Ф. Ф. Кузнецов. На его взгляд, обе точки зрения страдают односторонностью: с одной стороны, имеет место утверждение об идентичности взглядов шестидесятников и семидесятников; с другой — принижение значения народнической идеологии. Кузнецов соглашался с тем, что шестидесятники и семидесятники имеют общие народнические основы, но говорить о тождественности их взглядов нельзя, потому что за десять лет коренным образом изменилась социально-экономическая ситуация в России. Отсюда вновь проистекал аргумент о шаге назад «народников 70-х годов» в теоретической области, о потери ими реалистичности мировосприятия. В то же время Кузнецов подчеркивал, что неправомерно ленинскую критику либерального народничества переносить, как это делает Эльсберг, на всю народническую идеологию, что искажает историческую действительность и мешает объективному подходу к истории русского революционного движения, не позволяет видеть в народнической

⁴³ Там же. С. 129.

⁴⁴ Эльсберг Я. Упрощенные решения (Ответ А. Белкину) // Там же. С. 141.

⁴⁵ См.: Там же. С. 141-142.

доктрине прогрессивность «своеобразной идеологической оболочки борьбы русского крестьянства за свое освобождение»⁴⁶.

Обсуждение на страницах «Вопросов литературы» проблем изучения народничества привлекло внимание историков. Концепцию трехчленного деления поддержал И. Д. Ковальченко. Он считал, что народники 1870-х гг. существенно отошли от «наследства 60-х», народническая мысль носила преимущественно регрессивный характер и не могла быть составной частью «наследства» русских марксистов⁴⁷. По его мнению, революционные народники сплошь и рядом отрицали политическую борьбу и придерживались анархической теории. В качестве доказательств Ковальченко привел традиционный набор ленинских цитат, вырванных из контекста, и проигнорировал взгляды самих теоретиков революционного народничества.

Дискуссия в «Вопросах литературы» продолжилась. У. Фохт, как и Ковальченко, не видел оснований отказываться от традиционного деления разночинского этапа, поскольку «в основном народничество 70-х годов представляло собой менее прогрессивное явление, чем народничество 60-х годов»⁴⁸. Выступивший следом Б. Мейлах, в целом не оспаривая «трехчленку», отметил: «В происходящей дискуссии много говорится о том, как понимать те или иные суждения В. И. Ленина о народничестве. Спор ведется иногда вокруг истолкования тех или иных положений Ленина»⁴⁹. В результате терялся предмет дискуссии, обсуждение сводилось к тому, насколько правильно тот или иной исследователь понимает высказывания Ленина.

Итак, позиция А. И. Белкина не получила поддержки в литературоведческой среде. Но историки Э. С. Виленская и Б. С. Итенберг, постарались выяснить «в чем заключался и насколько велик был тот

⁴⁶ Кузнецов Ф. Ленин о народничестве // Вопросы литературы. 1960. № 4. С. 133.

⁴⁷ «...В понимании характера ожидавшейся революции и главного направления всей практической деятельности по ее подготовке революционные народники оказались позади своих предшественников — революционеров-демократов 60-х годов». Ковальченко И. Д. В. И. Ленин об этапах революционного движения XIX в. в России // Там же. С. 71.

⁴⁸ Фохт У. Ленинская концепция народничества и народническая литература // Вопросы литературы. 1960. № 7. С. 133.

⁴⁹ Мейлах Б. В единстве теории и истории! // Вопросы литературы. 1960. № 10. С. 88.

«шаг назад», который отличает семидесятников от деятелей предшествующего десятилетия» и можно ли на этом основании разводить революционные поколения 1860-х и 70-х гг. на два отдельных периода⁵⁰. Они отметили, что семидесятники представляли поступательное движение русской революционной мысли. Их нельзя, как это делал Эльсберг, приравнивать к либеральным народникам⁵¹. Вопреки сторонникам «трехчленки», авторы подчеркивали, что «теория революционных народников была прогрессивной и революционной для своего времени, хотя и не была и не могла быть *правильной* (с точки зрения марксистского подхода. — А. Х.) революционной теорией»⁵². Следовательно, теоретики революционного народничества не должны исключаться из числа предшественников русской социал-демократии. Кроме того, их теория не шла вразрез с практической деятельностью, как утверждал Эльсберг. Теория революционной борьбы у народников существовала, и именно на нее «опирались практики революционного дела»⁵³.

Я. Е. Эльсберг не замедлил ответить на критические замечания в свой адрес. Назвав «ложной» методологию оппонентов, он, в духе незабвенного «Краткого курса», декларировал, что причислять теоретиков революционного народничества к «блестящей плеяде революционеров 70-х годов» просто смешно, так как во взглядах, например, Бакунина и Лаврова не было ничего такого, что марксизм мог бы рассматривать как свое наследие. Их теории представляют лишь чисто исторический интерес, и в них «много органически чуждого мировоззрению советского народа»⁵⁴. А. Дементьев подвел итог дискуссии о народничестве на страницах «Вопросов литературы». Его статья отражала точку зрения редколлегии журнала⁵⁵. По мне-

⁵⁰ См.: Виленская Э., Итенберг Б. Действительно, не надо упрощать! // Там же. С. 96.

⁵¹ Через статью Эльсберга «красной нитью проходит тенденция отстоять установившийся с конца 30-х годов взгляд на народничество как на “трехопадение”... русской освободительной мысли» // Там же. С. 99.

⁵² Там же. С. 101.

⁵³ Там же. С. 106.

⁵⁴ Эльсберг Я. Лавров — предшественник социал-демократии и марксизма? // Вопросы литературы. 1961. № 2. С. 147, 148.

⁵⁵ Примечание редакции: «Статьей А. Дементьева, в своих основных положениях и оценках выражающей точку зрения редакции, журнал заканчивает

нию Дементьева, Эльсберг не прав, разрывая теорию и практику революционных народников и стирая грань между ними и либералами, но у него нет тенденции к идеализации народничества. В этом заключается основной минус позиции Белкина, который забыл, что марксизм-ленинизм в русском освободительном движении «утвердился в борьбе с народничеством». Как бы ни были содержательны и поучительны некоторые работы Лаврова, статьи Михайловского и Ткачева, «никого из них (и тем более Бакунина) нельзя считать предшественником русской социал-демократии...»⁵⁶. И при всем уважении к семидесятникам не следует забывать, что это поколение знаменовало собой снижение теоретического уровня по сравнению с шестидесятниками, а значит соединять их в один период нельзя.

Дискуссия в «Вопросах литературы» продемонстрировала актуальность народнической проблематики и обнажила ряд острых вопросов, которые требовали всестороннего изучения. Полемика продолжилась в исторической печати. Особая роль в развитии дискуссии о народническом этапе принадлежит «Группе по изучению истории общественного движения в России в пореформенный период», созданной в январе 1961 г. при Секторе истории СССР периода капитализма Института истории АН СССР. Эта группа должна была объединить не только ученых-историков, но и представителей других гуманитарных наук, интересующихся проблемами общественной мысли и общественного движения второй половины XIX в. Группа стала альтернативой существовавшей при том же секторе «Группе по изучению революционной ситуации 1859–61 гг.»⁵⁷.

Позиция «Группы по изучению истории общественного движения в России в пореформенный период» была отражена в рассмотренной выше статье Э. С. Виленской и Б. С. Итенберга. Точку зре-

обсуждение вопросов, связанных с изучением народничества и народнической литературы» // Там же. С. 163. Таким образом, редколлегия «Вопросов литературы» оставляла последнее слово за собой, без проведения открытого диспута или хотя бы «круглого стола».

⁵⁶ Дементьев А. Народничество и народническая литература // Там же. С. 153, 155.

⁵⁷ См.: Твардовская В. А. В группе по изучению общественного движения в России в пореформенный период // Вопросы истории. 1961. № 7; Она же. О работе группы по изучению общественного движения в России в пореформенный период // Вопросы истории. 1963. № 2.

ния «Группы по изучению революционной ситуации 1859-61 гг.» отражена в статье Г. И. Ионовой и А. Ф. Смирнова. Авторы выступили против исторически неверной «идеализации» народничества в ряде «статей последних лет»⁵⁸, которые воскрешают старые ошибки, допущенные «некоторыми историками» рубежа 1920–30-х гг. (М. Н. Покровский, Б. П. Козьмин, И. А. Теодорович). «Идеализация» проявляется в том, что «некоторые авторы» считают весь разночинский этап народническим и подразделяют его на революционно-народнический и либерально-народнический периоды. В духе Я. Е. Эльсберга, Ионовой и Смирнова утверждали, что в области теории народники 1870-х гг. сделали шаг назад по сравнению с шестидесятиниками, утратили целостность мирозерцания и отступили на позиции субъективного идеализма. К тому же имел место «полнейший разрыв теоретических народнических доктрин с их реальным значением...»⁵⁹. Стремление оппонентов найти место в русском революционном движении для народничества, оценить его положительный вклад расценивалось Ионовой и Смирновым как желание доказать, что «буржуазный демократизм входил в идейный багаж марксистской теории»⁶⁰. Конечно же, сторонники «двухчленки» так не думали и совсем не это доказывали. Но для того, чтобы понять это, надо было выйти за рамки идеологического подтекста, сосредоточившись исключительно на научной стороне проблемы⁶¹.

Нигилистическая по отношению к революционному народничеству позиция Ионовой и Смирнова получила достойный ответ. обстоятельный разбор концепции сторонников «трехчленки» провел Р. В. Филиппов. По его мнению, нет никаких оснований для исключения «революционеров 1870-х годов из числа деятелей, предпринявших огромные усилия в страстных поисках правильного миро-

⁵⁸ Ионовая Г. И., Смирнов А. Ф. Революционные демократы и народники // История СССР. 1961. № 5. С. 120.

⁵⁹ Там же. С. 131.

⁶⁰ Там же. С. 136.

⁶¹ Историк Х. Г. Аджемян, неоднократно сталкивавшийся с подобным отношением, дал такому «анализу» следующее определение: «Это означает просто нежелание вдуматься в то новое, что предлагается; означает желание с самого начала шельмовать оппонента, представлять ему ни на чем не основанные обвинения» // Цит. по: Сидорова Л. А. Указ. соч. С. 91.

воззрения»⁶². Деятельность революционных народников отражала поступательный процесс русского революционного движения и непосредственно предшествовала теоретическому зарождению социал-демократии в России. Данный факт, преднамеренно или нет, искажают Я. Е. Эльсберг, Г. И. Ионова и А. Ф. Смирнов, проповедующие «обличительный» подход к народникам, цель которого — «воздвигнуть глухую стену между идеологией революционеров-демократов 40-60-х годов и народников 70-х», вычеркнуть последних из «когорты» значимых революционных деятелей и предать забвению их заслуги, которые заключались в том, что они «предприняли героические попытки революционного действия для реализации своей социально-политической программы, опираясь на опыт своих предшественников — революционеров 60-х годов»⁶³.

Солидарную с Р. В. Филипповым позицию заняли Н. И. Соколов и В. В. Широкова. Соколов подчеркнул, что между шестидесятниками и семидесятниками «налицо глубокое единство, основой которого был боевой демократизм крестьянских масс, защита их интересов, подготовка крестьянской революции»⁶⁴, а точка зрения о разрыве традиций, о нисходящем движении революционно-народнической мысли не изжита до сих пор, потому что ленинские суждения о либеральном народничестве безосновательно распространяются на все народничество в целом. Широкова также обратила внимание на сходство программ революционных поколений 1860-х и 1870-х гг. У них была одна цель — «крестьянская «социалистическая» революция, одинаковое отношение к реформе 1861 года, к либералам, одно объективное значение борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего»⁶⁵. Странники «двухчленки» не «идеализируют»

⁶² *Филиппов Р. В.* Из истории революционно-демократического движения в России в конце 60-х – начале 70-х годов XIX века. Петрозаводск, 1962. С. 7.

⁶³ Там же. С. 10, 15.

⁶⁴ *Соколов Н. И.* В. И. Ленин о народничестве и проблемы истории русской литературы // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. 1961. № 8. С. 81.

⁶⁵ *Широкова В. В.* Еще раз о революционных демократах и народниках // История СССР. 1962. № 3. С. 74. «...Как три черты просветительства не исчерпывают характеристики революционного движения 60-х годов, так и три черты народнической доктрины тем более не исчерпывают характеристики революци-

народничество, а выступают за историческую справедливость. Значит, их концепция не может считаться ошибочной, так как «она дает возможность правильно характеризовать как общие, так и специфические черты революционного движения 60-х – 70-х годов и не смешивать революционное народничество с либеральным»⁶⁶.

Противостояние двух центров изучения русского революционного движения второй половины XIX в. по народническому вопросу было настолько серьезным, что руководство Института истории АН СССР приняло решение организовать открытую дискуссию о внутренней периодизации разночинского этапа. Диспут проходил 16-18 марта 1966 г. под председательством М. В. Нечкиной. Его цель состояла в заслушивании сторон, подведении итогов десятилетнему обсуждению проблемы и выработке единственно верной и правильной позиции по истории народничества. Основным докладчиком от «Группы по изучению революционной ситуации 1859-61 гг.» был А. Ф. Смирнов, а от «Группы по изучению истории общественного движения в России в пореформенный период» — Н. А. Троицкий.

А. Ф. Смирнов в докладе «К вопросу о периодизации движения революционных разночинцев» в основном повторил положения своей совместной с Г. И. Ионовой статьи, а именно: революционеры-демократы и революционеры-народники имеют точки соприкосновения, но между ними есть существенные расхождения в идеологии и тактике, что позволяет разделить их на два отдельных периода; народническая теория была упадочной, регрессивной и не может быть записана в «наследство»; поражение «Народной воли» знаменовало собой начало вырождения демократического характера народничества, превращение его в либерально-мещанский оппортунизм и отказ от революционной борьбы с самодержавием⁶⁷.

онного движения 70-х годов. Мы говорим “тем более” потому, что они не отражают реального содержания деятельности народников и не определяют его историческое значение» (С. 76).

⁶⁶ Там же. С. 76. Сходная точка зрения прослеживалась еще в нескольких работах. См., например: Федоров А. В. К вопросу о предшественниках русской социал-демократии // Вопросы истории КПСС. 1963. № 4; Захарина В. Ф. Революционные народники 70-х годов — идеологи крестьянской демократии // История СССР. 1963. № 5; Ткаченко П. С. О спорных проблемах истории народничества // История СССР. 1963. № 6.

⁶⁷ См.: Вандалковская М. Г., Колесниченко Д. А. Дискуссия о внутренней

Н. А. Троицкий в докладе «К вопросу о периодизации разночинского или буржуазно-демократического этапа в русском освободительном движении» отметил, что «культ личности» пустил глубокие корни, позволяющие до сих пор проповедовать нигилистическое отношение к народничеству. Сходство между шестидесятниками и семидесятниками было впечатляющим, а различия не столь значительными, чтобы разрывать связь поколений. Докладчик считал, что изменения в идеологии шестидесятников и семидесятников были не качественными, а количественными: некоторые социологические и тактические новшества добавлялись к основам теории революционного народничества, но сами эти основы, сформировавшиеся в 1860-е гг., оставались неизменными. Хотя по некоторым вопросам теории революционеры 1870-х гг. действительно отошли назад от позиции Чернышевского, но в других вопросах, особенно в области практики, они шли вперед. Русская революционная мысль развивалась не однолинейно, а зигзагообразно, и в 1870-е гг. она продолжала развиваться по восходящей линии⁶⁸.

Изложенные точки зрения вызвали оживленные прения. Большинство участников дискуссии поддержало доклад Смирнова. Троицкого упрекали в том, что его аргументы не основаны на объективном и всестороннем изучении фактов. Это ведет к смешиванию мелкобуржуазной народнической идеологии с марксизмом, принижению роли Чернышевского и возвышению, идеализации народнических теоретиков, приписыванию шестидесятникам той идеологии, которая развилась в 1870-е гг.

Нам представляются более убедительными и доказательными аргументы противоположной стороны⁶⁹. Как сказала в своем выступлении Н. М. Пирумова: «Общность 60-х и 70-х гг. очевидна, поэтому предмет спора представляется догматическим и схоластическим. Революционное течение в народничестве никогда не прекращалось, даже в 80–90-е годы»⁷⁰.

периодизации разночинского этапа русского революционного движения // История СССР. 1966. № 4. С. 108-111.

⁶⁸ См.: Там же. С. 111-114.

⁶⁹ Как сказала в ходе дискуссии В. А. Твардовская: «С докладом Смирнова трудно спорить из-за его необоснованности» // Там же. С. 124.

⁷⁰ Там же. С. 119. Н. А. Троицкого поддержали также Э. С. Виленская,

Итогом дискуссии стало закрепление постулата о трехчленном делении разночинского этапа, основанном на утверждениях, что между шестидесятниками и семидесятниками лежит глубокая пропасть; во второй половине 1870-х начинается процесс разложения народнической теории, выхолащивания в ней революционного зерна; вместе с народовольцами погибло и революционное народничество. Эта позиция должна была считаться официальной в советской исторической науке, не предусматривавшей более каких-либо дискуссий по данному вопросу⁷¹.

Дискуссия о народническом этапе русского революционного движения является логическим продолжением дискуссий о «русском якобинстве» и «Народной воле», прошедших в 1920–30-е гг. Их сравнение рельефно показывает как плюсы, так и минусы дискуссии 1950–60-х гг. Размышления как сторонников «двухчленки», так и их оппонентов не выходили за рамки марксистско-ленинской методологии, истинность которой не только обсуждению, но и сомнению не подлежала. Отсутствие методологического плюрализма значительно сужало исследовательскую мысль. Никто из участников дискуссии 1950–60-х гг. не ставил вопрос о «предтечах большевизма». Речь шла только о «наследстве» (кого следует туда причислить), затем существенно переработанном и трансформированном русскими

Б. С. Итенберг, М. Г. Седов, А. М. Станиславская, Р. В. Филиппов, И. К. Пантин. В ходе дискуссии произошел интересный эпизод. Виленская предложила разделить понятия революционное и освободительное движение, считавшиеся идентичными. Поскольку понятие «освободительное движение» шире, оно включает в себя не только революционные, но и другие силы, боровшиеся против самодержавия (например, либерально-народнические и буржуазно-либеральные). Эти вполне разумные мысли вызвали бурное негодование со стороны М. В. Нечкиной. По ее мнению, мысль о выделении в освободительном движении либерального этапа ошибочна, так как либеральное движение не может быть революционным. См.: Там же. С. 120, 122.

⁷¹ Это было закреплено в ряде публикаций, где концепция «трехчленки» подавалась раз и навсегда доказанной и нетерпящей возражений. См., напр.: Таубин Р. А. В. И. Ленин об идеологии и идеологах предшественников революционной социал-демократии в России. Ульяновск, 1968; Нечкина М. В. Ленинская концепция истории революционного движения в России // Коммунист. 1970. № 7; Смирнов А. Ф. За строгую научность, достоверность и историческую правду // Коммунист. 1972. № 16.

социал-демократами. Полемика развернулась вокруг постулата «Краткого курса» о народничестве как «злейшем враге марксизма». Однако все участники дискуссии были единодушны в том, что марксизм в России вырос и окреп в борьбе с народнической идеологией. Никто не сомневался в марксистской парадигме большевизма⁷². Из плюсов можно отметить то, что дискуссия по проблемам народничества вообще смогла состояться. Нормальным итогом полемики «признавалось даже *status quo*, когда ее участники оставались при своем мнении»⁷³. К сторонникам отличной от установленной точки зрения, как правило, не применялись оргвыводы, санкции, взыскания и т. д. В ходе дискуссии была предпринята попытка реабилитировать революционное народничество, и пусть не так смело и прямо, как это делали некоторые историки в 1920–30-е гг., определить место и роль народников 1870-х гг. в истории русского революционного движения, тем самым вернуть их в лоно научного исследования⁷⁴.

⁷² Подобный образ мышления колоритно отобразил Ф. М. Достоевский, писавший о людях, которых «вдруг поразит какая-нибудь сильная идея и тут же разом точно придавит их собою... Справиться с нею они никогда не в силах, а уверуют страстно, и вот вся жизнь их проходит потом как бы в последних корчах под свалившимся на них и наполовину совсем уже раздавившим их камнем». Достоевский Ф. М. Бесы. СПб., 1993. С. 25.

⁷³ Сидорова Л. А. Указ. соч. С. 214.

⁷⁴ В свое время востоковед Н. И. Конрад заметил: «Разве было когда-нибудь, чтобы действительно *новая* и далеко *не безразличная* для науки идея не встречала бы себе противодействие и притом самое яростное? Ведь такие идеи обычно обращены против застоя, традиции, спокойствия в науке; против всех тех, кто боится за свои позиции — не в науке: в науке у них позиций нет, а в *сложившемся положении*. И это — вполне, если хотите, «нормально»: **всегда так было и всегда так будет**». Цит. по: Сидорова Л. А. Указ. соч. С. 217. Это высказывание известного ученого, на наш взгляд, довольно точно характеризует суть позиций сторонников «двухчленки» и большинства их оппонентов.